

44
9
А. А. О С Т У Ж Е В .

=====

/ Наброски к портрету /.

Ему за шестьдесят лет. Он на сцене с 1898 года. В будущем году он может праздновать сорок лет непрерывной сценической работы.

Но когда вспоминаешь его Ромео, сыгранного в 1900 году, "на заре туманной юности", и смотришь его в Отелло, впервые показанном в 1935 году, с удивлением, с радостью, с каким-то внутренним счастьем замечаешь: да время остановилось, молодость оказалась победительницей хронологии.

Всякий артист пытается сказать в своей творческой молодости, как Фауст мгновению счастья: Остановись! Ты прекрасна! Остужев сказал: Остановись! — и молодость остановилась.

Это не значит, что мастерство Остужева остановилось на той ступени, на которой находилось в 1900 году, когда он играл Ромео. Оно неизмеримо выросло. От Остужева не раз приходилось слышать в последние годы:

— Если б тогда мне знать и уметь то, что знаю и умею теперь!

Отелло Остужева — один из совершеннейших образцов актерского мастерства. Это не только превосходно психологически разработанная, психологически глубоко обоснованная роль, это — безукоризненно, с тонкой музыкальностью передана вокальная партия, но эта же — и пластический образ, навсегда запечатляющийся в памяти.

Остужев — один из самых замечательных мастеров театра : в его мастерстве заключено упорное, непрерывное ученичество у природы и у тех великих художников, которые умели учиться у нее . В Остужеве нас радует театральный потомок Ермоловой. Когда смотришь Остужева в "Отелло" вспоминаешь, что тридцать пять лет назад, когда он играл Кассио с самим Томазо Сальвини, великий трагик почтил хвалой своего юного партнера.

Мастерство Остужева велико. Его можно и должно изучать молодым — да и не одним молодым — актерам.

Но "искусство" актера, как говорила когда-то знаменитая Вера Самойлова, " в том и состоит, чтоб не было видно никакого искусства". Именно таково мастерство — искусство Остужева. Оно невидимо.

Видима, слышима, действительна — одна молодость. В Карле Мооре Остужев превращал зрителя в соучастника своей "бури и натиска", шиллеровский романтический вихрь и мятежных чувств и освободительных мыслей, волею Остужева, молодил нас на десятилетия, потрясая сердца порывами юной бури.

Кто не помнит Освальда в " Привидениях" Ибсена, усталого , хмурого, пожираемого страшной болезнью ? Таким играли его все, всегда, везде. Если на сцене и идут "Привидения" , со сцены должно веять хлороформом клиники. Как же может быть иначе ?

Остужев изгонял эту клинику со сцены. Его Освальд — это молодой порыв к свету, вопреки спущенным завесам больничной палаты, в которую лжецы и лицемеры превратили жизнь. Его Освальд — это человек, приговоренный к смерти не собственной виной, а преступлениями предков, кото-

рых он ненавидит так же горячо, как любит солнце. Неповинный со смертным приговором в душе, он глотает солнечное тепло, как воздух. Он славит солнце, встречая гибель...

В Незнамове /"Без вины виноватые"/ у Остужева была ключем протестующая, буйная молодость. Ах, сколько прошло по русской сцене мрачно декламирующих Незнамовых, загримированных под провинциального Печорина! Сколько захоластных Кинов с наследственным алкоголизмом было показано вместо того русского беспризорника с чистой душой и большим талантом, которого написал Островский. У Остужева - Незнамова дрожал голос какю-то детскою слезою, у него кружилась голова, темнело в глазах, когда он склонялся под ласку внезапно найденной матери / великая Ермолова играла Кручинину/.

Как жаль, что ни Освальда, ни Незнамова - Остужева не видал советский зритель!

Но он видит Остужева в "Отелло", - и он находит в Остужевском Мавре ту же прекрасную, глубоко человеческую молодость души, то же золотое детское сердце.

Я не помню ни одного Отелло, у которого эта сторона шекспировского образа была бы выше, чем у Остужева. "Отелло не ревнив, он - доверчив". Эти пушкинские слова Остужев превратил в живую достоверность, в жизненную правду. Что значит - "доверчив"? Простоват, простодушен? Нет. Легковерен? Тоже нет.

"Доверчив" - это значит: у него большое человеческое сердце, открытое для любви, не знающее зависти, чуждый вражды и злобы. Это детское сердце, - заключает Остужев все в одном слове, - и это сердце бьется в его Отелло и изучает

оттуда свой прекрасный свет.

Яго, Родриго, Кассио — молоды, но они кажутся стариками по сравнению с Отелло, который формально гораздо старше их годами. Отелло никогда не будет стариком: у него не постареет чувства. И когда он падает, пронзенный собственной рукой, нас охватывает такая же жалость, как при гибели Яного Ромео: "Какое сердце биться перестало!".

От раннего Ромео к позднему Отелло в творчестве Остужева идет прямая дорога, без малейшего загиба в сторону.

Это — дорога свободно изливающего чувства, благородно пламенеющего сердца. Когда великий Томазо Сальвини выделил Остужева из плеяды окружавших его в "Отелло" талантливых актеров Малого театра, это понятно: не зная русского языка, великий трагик всегда потрясавший неувядающей молодостью чувства, слышал в лирическом волнении гармонического голоса Остужева родные для себя звуки. Если бы Сальвини мог увидеть Остужева тогда в "Ромео" или теперь в "Отелло", он еще более ощутил бы эту родственность его дарования /я не пытаюсь соразмерить талант Остужева с гением Сальвини /: в его Отелло трепетала тончайшими переливами искреннейшая лирика любви. Многие были не совершенно в том образе Ромео, который давал тогда молодой Остужев; во многом ему не удавалось передать характер Ромео; в более поздние годы артист часто тосковал, что ему не даст заново, полнее и глубже пересоздать Ромео, — парадокс но правда чувства, но живая трепетность сердечного волнения и тогда уже — тридцать семь лет назад! — неотразимо передавались зрителю, который мог повторить о себе слова Пушкина:

"Душа стесняется лирическим волнением".

Это волнение сохранив свою свежесть, обрело в "Отелло" свою прекрасную форму, - сказочную по своей классической простоте и глубоко - емкую по своему содержанию.

- Зачем они привязали меня к этой бороде! - С жаром негодовал Остужев у себя в уборной: зеркало показывало ему седого, угрюмого "старого барона" - таким, каким ему полагается быть по театральному трафарету "Скупого рыцаря".

В этом гневе - весь Остужев. Скупость его "Скупого рыцаря" - не жалкий, злостный порок. Скупость старого барона - это испепеляющая страсть. А страсть - потому и страсть, что она жива, стремительна, буйственна, как молодость. В "Скупом рыцаре" Остужев играл вечную молодость страсти, - и он чувствовал в каком разительном противоречии с нею находится натуралистический облик "старого барона" / "Борода"/, допущенный режиссурой.

Еще за несколько дней перед тем Остужев, без грима и костюма, читал монолог старого барона на одном из пушкинских вечеров. "Бороды" не было, - но буйной молодостью страсти Остужев потряс весь зал, - и пушкинский образ восстал во всей своей силе и правде. Чтение превратилось в действие трагедии.

Вот эту молодость страсти, свежести и силу чувств, юность душевных движений Остужев сохранил, как едва ли кто другой в нашем театре. Все эти свойства образуют истинную молодость трагического актера - ту молодость, которая позволяла России в 60 лет чаровать любовным трепетом Ромео, а семидесятилетнему Сальвини ужасать гневом и горестью пламенного Отелло.

21 в. жазып . . . 19
6

Молодость Остужева драгоценна. Она дает нам зрителям радостную надежду увидеть Остужева еще во многих трагических образах Шекспира, Шиллера, Гюго.

С.Дурьлин 1937 г.

1937